

Это была самая ароматная, самая притягательная и самая искусно приготовленная янгчуньян, которую Шэнь Цзюнь когда-либо пробовал. Теперь он наконец понял, почему человек с таким изящным именем, как Вэнь Я, превратился в пухлый шарик. Если бы каждый день есть такую вкуснятину и при этом мало двигаться, было бы странно не стать шаром.

Однако, несмотря на то, что лапша была невероятно вкусной, Шэнь Цзюнь съел лишь несколько кусочков и отложил палочки, на лице его появилась грусть, которую Вэнь Я раньше никогда не видел.

— Что случилось? Не понравилось?

— Нет!

Нет? Как это нет? Если бы ему не понравилось, он бы съел больше. Вэнь Я был уверен в своих кулинарных навыках.

Шэнь Цзюнь взглянул на внезапно замолчавшего Вэнь Я, и в ту же секунду у него появилось желание выговориться.

— Когда я учился в военной академии, вокруг не было ничего особо вкусного. Самым известным было маленькое кафе, которое держала пожилая пара. Тогда многие студенты военной академии были из бедных семей, и позволить себе тарелку янгчуньян уже было роскошью.

— Кто-то из них тебе дорог?

Вэнь Я, обладая удивительной проницательностью, сразу уловил суть.

Шэнь Цзюнь вздрогнул, затем горько усмехнулся.

— Среди тех, кто часто туда ходил, был мой бывший староста. Я, Шэнь Цзюнь, не часто кого-то уважаю, но он был одним из тех, кем я восхищался. Он был умным, спокойным, учился лучше меня. Во всем, кроме семейного положения, он превосходил меня. В академии иногда давали задания, связанные с военной службой, для тренировки. И каждый раз он выполнял их лучше всех.

— А что потом? — Вэнь Я, почувствовав, что Шэнь Цзюнь снова замолчал, спросил. Он интуитивно понимал, что отношения между Шэнь Цзюнем и его старостой были не такими простыми.

— Когда мы выпускались, он, благодаря своим способностям, мог бы легко попасть в командную систему. Но семья сообщила мне, что место, которое должно было достаться ему, отдали мне. Я не мог поверить в это. Я спорил с семьей, говорил с ним, обещал вернуть то, что ему принадлежало. Но он был спокоен и не придавал этому значения. Я же не мог так легко смириться. В итоге я решил уйти с пути, который мне навязали, думая, что тогда он получит свое. Но этого не произошло. Однако он остался верен себе и в последующие годы доказал всем, что он лучший.

Голос Шэнь Цзюня дрогнул.

— Но он умер.

— Умер? — Вэнь Я нахмурился. — Прости, но я все же хочу спросить: как он умер?

— Я не знаю. Мне сообщил об этом друг. Я сразу позвонил домой, чтобы узнать подробности, но мне сказали больше не спрашивать.

Шэнь Цзюнь говорил то, что, вероятно, не стоило рассказывать Вэнь Я. Но рядом больше никого не было, и в этот момент ему просто хотелось выговориться. К тому же это были не такие уж важные сведения, так что он не стал скрывать.

Хотя он сказал немного, Вэнь Я понял, что произошло что-то, о чем нельзя говорить, раз даже информацию о смерти человека нельзя было узнать.

Он никогда не служил в армии и не учился в военной академии, но у него был друг, похожий на Шэнь Цзюня, который испытывал глубокие чувства к армии и товарищам. Можно сказать, они были как братья.

Теперь брат умер, и не только нельзя отомстить, но даже неизвестно, как он погиб. Неудивительно, что Шэнь Цзюнь так подавлен.

Но Шэнь Цзюнь, которого он знал недолго и не слишком хорошо, казался ему человеком, который не должен сидеть здесь с тарелкой янгчуньян и плакать.

Тихонько постучав по миске, Вэнь Я сказал:

— Твоя история сложная, я не могу в ней разобраться и не стану давать советов. Но ты же учился в военной академии, значит, ты почти что военный. Твой староста был твоим товарищем. Если товарищ погиб, разве ты не должен сделать все, чтобы выяснить причину его смерти и отомстить? Зачем ты здесь сидишь и унываешь? Быстрее доедай лапшу, ведь выбрасывать еду — это позор! Надо все съесть дочиста!

Обычно это Шэнь Цзюнь ошарашивал людей своими словами, но впервые он сам был ошеломлен.

Прошло несколько секунд, прежде чем он пришел в себя. Затем, взяв палочки, он быстро доел лапшу, выпил весь бульон, не оставив даже лука.

Поставив миску, он посмотрел на Вэнь Я глубоким взглядом, от которого у того по спине пробежал холодок.

— Почему ты так на меня смотришь?

— Спасибо! — Эти слова Шэнь Цзюнь произнес четко, почти по слогам, не отводя взгляда от Вэнь Я.

Лицо Вэнь Я мгновенно покраснело. Непонятно почему, но в этих словах он почувствовал какую-то нежность, отчего ему стало неловко.

— Я хочу вернуться в Имперскую столицу и все выяснить. В ближайшие дни меня здесь не будет. Ремонт наверху, вероятно, закончится примерно в то же время, что и внизу. Если можешь, присмотри за этим. Я уже оплатил аренду за этот месяц.

Ремонт и аренда — все это Вэнь Я уже перестал замечать. По идее, он должен был обрадоваться, но первой его мыслью было: а не опасно ли возвращаться в Имперскую столицу для расследования? Не слишком ли он быстро сказал то, что не стоило говорить?

— Э-э, будь осторожен. Я не хочу, чтобы через несколько дней мне сказали, что теперь аренду придется платить одному!

Вэнь Я явно проявлял свою гордость.

Шэнь Цзюнь уверенно улыбнулся.

— Не волнуйся, я смогу платить аренду до конца своих дней!

Черт возьми!

На следующий день Шэнь Цзюнь уехал. Хотя он просил Вэнь Я присмотреть за ремонтом, на самом деле делать было нечего — Шэнь Цзюнь нанял профессионалов. Так что Вэнь Я остался без дела. Скучая, он решил найти Вэнь Яня, но тот сейчас был в трудной ситуации.

Вэнь Янь жил довольно спокойно. Возможно, Рекс решил, что он испугался на рынке растений, и больше не брал его туда. Он оставался дома, и его жизнь, за исключением ежедневной вареной говядины, была легкой и приятной.

Но это спокойствие длилось недолго. Рекс, заметив, что Вэнь Янь, похоже, получил травму мозга и даже базовые навыки чтения и письма стали для него проблемой, записал его на курсы обучения через фотонный компьютер.

Эти курсы позволяли через подключение к фотонному компьютеру изучать различные базовые знания в голографической сети.

Сначала Вэнь Янь был рад. В конце концов, это был хороший способ начать новую жизнь в этом мире.

Но когда он действительно вошел в голографическую сеть и начал обучение, он понял, что это было еще более удручающе. Дело не в том, что он был обычным человеком или толстяком, что вызывало какие-то предрассудки, а в том, что он был единственным почти взрослым в учебной группе.

Все остальные участники были детьми, точнее, почти все — малышами, которые только начинали говорить.

Как Вэнь Янь мог смириться с этим?

В тот момент он почувствовал, будто снова оказался в своем прежнем мире, где на него смотрели с презрением. Только на этот раз причина была другой.

Хорошо, что это была голографическая сеть, где можно было изменить внешность и вес, иначе Вэнь Янь думал, что его бы презирали по той же причине, что и в прошлой жизни.

Если бы это были только малыши, Вэнь Янь бы не обращал внимания. Эти двух-трехлетние дети не представляли для него угрозы. Жизнь и так сложна, особенно для того, кто уже однажды умер при загадочных обстоятельствах. Так что то, что его не беспокоило в прошлой жизни, теперь и подавно не должно было волновать.

Но даже если Вэнь Янь старался не обращать внимания, всегда находился кто-то, кто сам лез на рожон.

В этот день Вэнь Янь только закончил урок чтения и письма и собирался выйти из

голографической сети, чтобы приготовить еду. Но как только он вызвал панель управления, в голове раздался звон, и он почувствовал резкую боль, как будто его укололи иглой. Однако боль длилась недолго, вероятно, это было сделано, чтобы помешать ему выйти из сети.

Когда боль прошла, Вэнь Янь увидел перед собой высокомерного юношу, примерно его возраста, который держал за руку малыша. Вэнь Янь узнал его — он был из его учебной группы.

— Это ты сделал?

— Да, просто проверил тебя. Не ожидал, что ты действительно ни на что не годен, даже не почувствовал моего удара. — Юноша усмехнулся, в его глазах читалось презрение и скрытая злоба.

<http://bllate.org/book/16693/1532287>